

УДК 172.15

В. А. КРАВЧЕНКО

ПАТРИОТИЗМ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

В статье исследуется содержание понятия «патриотизм» («патриот», «патриотический»), его историческое формирование, идеологическая и смысловая подмена понятия, а также идеальная модель понимания патриотизма как идентифицирующий личность элемент национальной культуры.

Ключевые слова: патриот, патриотизм, национальная самоидентификация личности.

UDK 172.15

V. A. KRAVCHENKO

PATRIOTISM AS ONE OF PERSONAL SELF-IDENTIFICATION FORMS IN RUSSIA

This paper is about the history and the meaning of a concept “patriotism” (“patriot” and “patriotic”), ideological change of meaning of “patriotism” and the ideal way of thinking patriotic sentiments as a self-identifying element of national culture.

Keywords: patriot, patriotism, national self-identification

Патриотическое чувство никогда не переставало волновать людей и заставляло их проявлять свои лучшие (а иногда – напротив, далеко не самые лучшие) качества. «Патриотизм» как понятие плотно вошло в нашу жизнь, и мы уже не задумываемся об истинном его содержании. Вместе с тем «патриотические» чувства толкают порой людей на проявление крайнего национализма вплоть до совершения преступления против человека другой национальной принадлежности и против человечности в общегуманистическом смысле слова. «Определите значение слов, и вы избавите человечество от половины его заблуждений», – справедливо отмечено у Р. Декарта. Целью нашего исследования является определение понятия «патриотизм», изучение его происхождения в менталитете населения нашей страны, а также установление составляющих дефиниции «истинный патриотизм», выступающей национальным и культурным идентификатором личности с точки зрения русских философов.

В качестве методологической основы мы приняли такие методы, как изучение и обобщение, абстрагирование, идеализация, анализ и синтез. Активно фигурируют исторический, дедуктивный и гипотетический методы. Нами были исследованы как классические литературные и энциклопедические источники, так и современные социальные сети и СМИ, а также труды русских философов и историков.

Поводом для размышлений послужило 70-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. Войне, в которой не было «не патриотов», где каждый сражался не только за свою жизнь, свою семью, но и за всю свою Родину. Столь сильный внешний враг как фашистская Германия заставил людей объединиться, собрать свои силы любой ценой и с именем Сталина на устах, вспоминая и поэтизируя все, что у них есть или что хотелось бы иметь, шли за победой вопреки всем бедам и катастрофам. Экстренная ситуация всегда заставляет проснуться неисчерпанные ресурсы организма, открывает дополнительные физические возможности человека не только на уровне воли, но и рефлексов. Под героическим патриотизмом чаще всего подразумевают духовную и идеализированную форму этого чувства. На наш взгляд, данное понятие требует более подробного изучения, поскольку оно оказывается востребованным только в крайние минуты безысходности, когда больше нет ничего другого, что подкрепило бы волю и силы человека.

Семантика слова «патриот» восходит к греческому *patriota* – земляк, соотечественник, которое, в свою очередь, происходит от слова *patrios* – принадлежащий отцам, отеческий и *patria* – Родина. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово «патриот» есть позднее заимствование из немецкого – *Patriot* (с XVI в.) или непосредственно из французского *Patriot* – сын отечества (от лат. *Patriota*). Первое упоминание лексемы в России зафиксировано во времена правления Петра I, как упоминается в Современном толковом словаре русского языка под редакцией Ефремовой. Лингвисты в своих исследованиях

обращают внимание на очень важный культурологический момент: в русском языке при толковании слова «патриот» заложена эмоциональная составляющая (любить, быть верным), в то время как в английском и французском акцент делается на более активное действие (поддерживать, защищать на войне) [1, с. 29]. Таким образом, слово «патриот» и производные от него в русском языке наделяются «особым смыслом любви» [1, с. 29.], сохраняя и значение жертвования собственной жизнью во благо отечества. Отсюда нам представляется возможным сделать вывод, что в Европе на первый план выносятся личность с ее моральными и политическими убеждениями, а в России ценится жертвенность, что, вероятно, корнями глубоко уходит в историю Древней Руси и базируется на привитом русским землям христианском вероисповедании.

Как сообщает Михаил Кром в своем электронном курсе лекций «Генеалогия русского патриотизма» [2], в XIII веке, когда Древняя Русь еще не была единой русской землей, понятия «патриотизм» или любого другого понятия, заменяющего первое, не могло существовать вовсе, а любовь к родным местам никак не связывалась с государством и его политическими институтами. Безымянность этого чувства означала его отсутствие и отсутствие рефлексии на тему родины. Не было человека, который был более патриотичен, чем другой, отношение к незнакомому человеку рефлексивно строилось по принципу «свой – чужой».

Христианство, пришедшее на Русь, тоже не способствовало появлению понятия патриотизма, так как оно призывало людей думать о вечной жизни на небесах, а не о брэнном существовании на земле [2]. Спустя годы человеческое сознание нашло лазейку в этом идеологическом лабиринте, и началось культивирование местных святынь, появилось «отечество» – земля и история отцов, которую надо было защищать от внешнего врага в виде татаро-монгольского ига. Тогда на первый план вышла христианская жертвенность и готовность положить свой живот во имя благого дела. Итак, первым «отечестволюбом» в истории Древней Руси, согласно летописям, стал князь Михаил Тверской.

Следующим этапом развития патриотического чувства стало появление государства во времена Ивана III. При этом важно заметить, что тогда слово «государство» обозначало самого государя и его неограниченную власть, только лишь потом историки в летописях находят признаки формирования понятия государства с его территорией и народом. Прорывом во всех отношениях стало правление Петра I. Именно тогда с «прорубленным в Европу окном» в Россию пришло заимствование слова «патриот» с прямым значением «земляк», как мы упоминали выше. И далее происходило принятие и развитие понятия, расширение его смыслов и становление соответствующей идеологии. Таким образом, к концу XVIII века термин «патриотизм» начинает свою демократизацию, и тогда даже в литературе у Карамзина встречаем следующее: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его» [3, с. 183].

Постепенно с развитием общества, появлением новых политических партий понятие патриотизма претерпевает идеологические видоизменения. В качестве исторического свидетельства приведем лингвистическое исследование А.А. Лебедева и Л.А. Кохановой, где отмечается, что если до революции 1917 года лексема «патриот» могла выступать как антоним слова «демократ» или синоним слова «монархист», то в эпоху провозглашенного Октябрьской революцией идейно-политического единства она приобрела иное социальное осмысление. «В советском узусе, – отмечает И. Глазкова, – слово «патриот» обозначало любящих родину советских людей, а также стало близким по смыслу с синонимичными в то время словами коммунист, демократ, большевик, ленинец и приобрело особую положительную оценочность, свойственную официальному языку того времени» [4]. В постсоветский период, с появлением противостоящих политических сил, изменилось смысловое содержание слова «патриот». В работе О.П. Ермаковой «Семантические процессы в лексике» (Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000) говорится, что в демократической прессе негативное употребление слова «патриот» применяется как синоним слова «националист». Отсюда мы получаем современное употребление слова «патриот», имеющее два лексико-семантических варианта: человек, преданный своему отечеству, любящий свой народ и человек националистических взглядов национал-патриот» [1, с. 32].

В пору сложных идеологических перипетий, в период перехода от имперской к социалистической эпохе Н. Бердяев публикует статью «О патриотизме и политике», в которой рассуждает о несостоятельности русских революционеров и о том, что силы русской революции (в отличие от идеи) держатся на чем угодно, только не на истинном патриотическом чувстве.

Н. Бердяев пишет: «Многие признают, что в эту страшную и трагическую минуту русской истории Россию может спасти лишь патриотический подъем, лишь исключительное напряжение национального духа. Но порыва этого у нас нет, есть лишь призывы к нему и слова о нем <...> В России должно начаться организованное патриотическое движение <...> Атеистическая политика не может не быть ложью, она жертвует истиной и правдой во имя фиктивного блага людей, превращая это благо в идол. Но выше корыстного блага людского должна быть поставлена правда духовной жизни, без которой нет человека, нет в нем образа Божьего, нет народа с великой исторической судьбой» [5, с. 3].

Согласно воззрениям Н. Бердяева, есть три основные «страсти», способные изменить историческую судьбу народа: страсть национально-классовая, национальная и религиозная. Для создания русской революции была использована самая низменная из форм страстей – социально-классовая, которая совершенно опустошила духовную составляющую народа, ускорила разложение старого режима, она разрушила предпосылки для создания нового, зрелого, духовно развитого народа, любящего свою страну истинной патриотической любовью.

«Демоническая одержимость идеей равенства не есть демократия, ибо истинная демократия есть лишь искание путей подбора лучших, установление истинного неравенства», – здесь у Н. Бердяева прослеживается тот образ, который у И. Ильина получит название «национального гения».

И. Ильин в работе «О сущности правосознания» [6, с. 245] пишет о том, что «нужда и страх вызывают к жизни первые проблески «патриотизма», но эмпирическая неизбежность такой «любви к отечеству» не говорит еще ничего о ее духовной сущности и о ее философском обосновании». Говоря о патриотизме, И. Ильин апеллирует, прежде всего, к понятию правосознания. Человек, обладающий высоким уровнем внутренней культуры и правосознания способен на рефлексию и на здравую любовь к своей родине. «Незрелое или больное правосознание, – по И. Ильину, – может культивировать патриотизм как слепое, вне-этическое иступление, забывая о том, что вне-этический экстаз нужен только для того, чтобы развязать унижительное для человека животное своекорыстие, а слепота только для того – чтобы не видеть этого собственного унижения» [6, с. 247]. Истинный патриот, напротив, любит отечество не слепым пристрастием, но зрячею любовью, исходя из объективного достоинства предмета любви, прекрасного настолько, что душа, обретшая родину, не может ее не любить.

«Любовь к родине должна быть осмыслена как творческий акт духовного самоопределения, ибо только в этом виде своем она достигает истинной высоты и зрелости, сообщая последнюю санкцию и «нужде», и «долгу», и «чести», и «признательности», – пишет И. Ильин. Исходя из тезисов русского философа, можно заключить, что истинный патриот есть единица сугубо индивидуальная и творческая, он не отождествляет себя с темной массой и с множеством различных индивидуумов. Патриот обладает общечеловеческой любовью и уважением ко всем людям, могущим быть также патриотами других стран, потому что для истинного патриота важна духовная составляющая народной культуры и высшая гуманистическая мудрость. Патриот «не приносит себя в жертву корыстным интересам бедной или богатой черни; он отнюдь не преклоняется перед «множеством» как перед чем-то высшим и сильнейшим, якобы одаренным мудрою и безошибочною волею. Нет, он сливает свой дух с духом своего народа, а эмпирическая индивидуальность естественно и незаметно следует за этим отождествлением» [6, с. 253]. Другими словами, патриотизм есть чувство, основанное на самостоятельном творческом и духовном предметном опыте, и всякое иное предписание и извне идущее наставление может повлечь лишь извращенную форму симуляции патриотического чувства.

Наличие подобных исследований дает нам право предполагать, что произошла постепенная подмена понятия «патриотизм», а возможно, и вовсе было утрачено его понимание.

Вместо воспитания истинного патриотизма, государство и его политические лидеры злоупотребляют патриотической темой в качестве идеологических инструментов, дабы подкрепить свое влияние и навесить губительный ярлык на неугодных. Отныне истинный патриотизм становится сугубо индивидуальной чертой и тесно связан с понятием совести и самоидентификации личности. На наш взгляд, утверждение С.М. Карамзина о том, что чувство патриотизма свойственно только тем, кто способен на рефлексию, верно. Здесь зарождается главное противоречие и формируются разные стороны баррикад, а именно: в российской истории появляются такие термины, как «русская военная эмиграция», «русский коллаборационизм», «оборонцы и пораженцы», союзы «РОВС» и «РЭОД» (о них мы более подробно говорили в статье «Русский мир» сегодня и русское зарубежье в годы Великой Отечественной войны» [7, с. 110], и о которых еще более подробно сказано в книге «Русские без Отечества» под ред. С.В. Карпенко [8, с. 156]).

Представление русской творческой интеллигенции об их советских собратях навсегда закреплено в дневниках одного из вернувшихся на историческую Родину эмигранта, прошедшего всю свою сознательную жизнь за границей и воспитанного исключительно на лучших образцах мировой культуры, сына Марины Цветаевой Георгия Эфрона: «Интеллигенция советская удивительна своей неустойчивостью, способностью к панике, страху перед действительностью. Огромное большинство вешает носы при ухудшении военного положения. Все они вскормлены советской властью, все они получают от нее деньги – без нее они наверняка никогда бы не жили так, как живут сейчас. И вот они боятся, как бы ранения, ей нанесенные, не коснулись бы их. Все боятся за себя» [9, с. 145]. Мы снова заходим в идеологический тупик. Слова патриота явно отвергают наличие столь же высоких и благородных чувств у его товарищей, однако они не смогут перечеркнуть заслуги и подвиги солдат и мирных жителей в годы Великой Отечественной войны.

В поисках ответа на этот исторический диссонанс мы натолкнулись на статью евразийцев и их размышления о том, что русская национальная идентичность отрицает «славянский», «европейский» или «азиатский» компоненты. Она сложна сама по себе с ее незаконченным национально-образовательным процессом, с ее «изоляционизмом» и «психологией побежденного» (о принудительной изоляции русской эмиграции писал Н. Данилевский); но она неповторима и может носить название только «русской», выполняя при этом миссию «европеизатора Азии». «Русская» идентичность подразумевает «русский» патриотизм, когда речь идет о войне идеологической, защитнической, с большими человеческими потерями и серьезными морально-этическими испытаниями. Патриотизм в этом случае не имперский, не казенный, не заказной. За все, что происходит с русским народом, ответственно государство, которое в силу своих имперских масштабов не может избежать своего апогея и гипертрофии. Судьба русского народа – судьба нации-феникса. Он обречен на перерождение и открытие новых свойств после очередного исторического катаклизма [10].

Приведем пример из современных СМИ. В электронной версии проекта «Сноб», куда также входит современная российская интеллигенция, Григорий Ревзин опубликовал небольшую колонку «Зима близко», которая, как нам представляется, отражает последние настроения в обществе: «Я всю жизнь до сего времени не мог понять, как Россия свалилась в катастрофу 1917 года. Откуда этот синдром коллективной обреченности? Почему ничего не делали интеллектуалы? Ученые? Институты? Где была церковь? Что делал бизнес? Почему никто не сопротивлялся маргинальной группе с безумными идеями, суть которых нечего и обсуждать на фоне того, что они уничтожили, а уничтожили все. Что вообще делали все, кроме тех, кто заразился безумием? <...>

Кто сегодня, в момент катастрофы, пойдет защищать Путина? Это вообще мыслимо для любой из сегодняшних элит – бизнеса, интеллектуалов, политиков, ученых, арт-деятелей – самому выйти защищать Путина и других призвать? Я – не выйду и не позову, прекрасно понимая, что впереди. Рот не откроется, и мне кажется, ни у кого не откроется. По чьему призыву мы сможем соединиться для того, чтобы не сгинуть? Власти? Парламента? Церкви? Олигархов? Это совершенно исключено. Мир – незащищаем. Даже если у кого-то есть какая-то репутация, она будет потеряна немедленно в тот момент, когда он призовет противостоять катастрофе.

И я наконец понял, что произошло с Россией Николая Второго. Вот ровно это» [11].

Подводя итоги данного исследования, автор неизбежно приходит к выводу, что патриотическое чувство, вопреки его лексическому значению и идеализированному пониманию, стало действенным инструментом политических махинаций со стороны власти. Патриотизм как идентификационная национальная черта позволяет нам провести условные границы, разделяющие русских людей имперской эпохи, советских людей эпохи сталинизма и современных россиян на три абсолютно разных народа, объединенных территорией и русским языком. Россия – страна-феникс, которая обречена вновь и вновь возрождаться из пепла войн и революций, соответственно, всегда будет раздираема противоречиями между глубинной исторической памятью с подсознательным патриотическим чувством и современным патриотическим настроением нового государственного режима.

Литература

1. *Лебедев А.А., Коханова Л.А.* Понятие «патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т.12 № 1.
2. *Кром М.* Генеалогия русского патриотизма. URL: <http://arzamas.academy/courses/3>
3. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения: в 2 т. М., 1964.
4. *Глазкова И.В.* Патриот на протяжении разных эпох. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=35354>
5. *Бердяев Н.* Патриотизм и политика // Народопрравство. 1917. № 10.
6. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1994.
7. *Кравченко В.А.* «Русский мир» сегодня и русское зарубежье в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: уроки истории и современность. Материалы междунар. науч. конф. 21 апр. 2015 г. Краснодар: КГУКИ, 2015.
8. Русские без Отечества // Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и вторая мировая война / под ред. С.В. Карпенко. М., 2004.
9. *Эфрон Г.* Дневники 1941–1943: в 2 т. Т. 2. / под ред. Е.Б. Коркиной, В.К. Лосской. М.: Вагриус, 2004.
10. *Григорова Д.* Евразийская идентичность в российской истории // Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция: Труды IX Евразийского научного форума, посвященного 100-летию со дня рождения Льва Николаевича Гумилева. URL: <http://www.enu.kz>
11. *Ревзин Г.* Зима близко. URL: <http://snob.ru/profile/5326/blog/96859?v=1440744586>

References

1. *Lebedev A.A., Kokhanova, L.A.* Concept of «Patriotism» in a Modern Reading: Etymology and Semantics // Vestnik of SUSU. Edition «Lingvistiks». 2015. Vol. 12. № 1.
2. *Krom M.* Genealogy of Russian patriotism. URL: <http://arzamas.academy/courses/3>
3. *Karamzin N.M.* Selection of essays: in 2 vol. M., 1964.
4. *Glazkova I.V.* Patriot throughout Different Epoches. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=35354>
5. *Berdyayev N.* Patriotism and Politics // Narodopravstvo. 1917. № 10.
6. *Ilyin I.* About the sense of justice // Selection of essays. vol. IV. M., 1994.
7. *Kravchenko V.A.* «The Russian World» Today and Russians Abroad during the Great Patriotic War // The Great Patriotic War: Lessons of History and the World Today. Reserches of International Scientific Conference from 21 April 2015. Krasnodar: KGUKI, 2015.
8. Russians without the Motherland – the book: between Russia and Stalin. The Russian Emigration and the World War II / edited by S.V. Karpenko. M., 2004.
9. *Efron G.* Diary 1941–1943: in 2 vol. (v.2) / edited by E.B. Korokin, V.K. Lossky. M.: Vagrius, 2004.
10. *Grigorova D.* Eurasian identity in Russian history // The Heritage of L. N. Gumilev and Modern Eurasian Integration: The Works of IX Eurasian Scientific Forum dedicated to the 100th Anniversary of the L. Gumilev's Birth. URL: www.enu.kz
11. *Revzin G.* Winter is coming soon / URL: <http://snob.ru/profile/5326/blog/96859?v=1440744586>